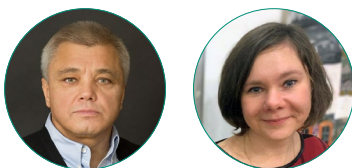

DOI: [10.14515/monitoring.2026.2.3087](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.3087)

А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
ТРИНАДЦАТЬ ТЕЗИСОВ, ДВЕ ДИЛЕММЫ
(ОДНА МОРАЛЬНАЯ, ДРУГАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ)
И ПЯТЬ ВОПРОСОВ О ТОМ, ЧТО ДЕЛАТЬ**

Правильная ссылка на статью:

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Искусственный интеллект: тринадцать тезисов, две дилеммы (одна моральная, другая политическая) и пять вопросов о том, что делать // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 2. С. 284—303. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.3087>.

For citation:

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2026) Artificial Intelligence: Thirteen Theses, Two Dilemmas (One Moral, One Political), and Five Questions on What to Do. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 284–303. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.3087>. (In Russ.)

Получено: 12.08.2025. Принято к публикации: 20.12.2025.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ТРИНАДЦАТЬ ТЕЗИСОВ, ДВЕ ДИЛЕММЫ (ОДНА МОРАЛЬНАЯ, ДРУГАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ) И ПЯТЬ ВОПРОСОВ О ТОМ, ЧТО ДЕЛАТЬ

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры философии, Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Узбекистан
E-MAIL: rezaev@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3918-835X>

ТРЕГУБОВА Наталья Дамировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия; доцент кафедры сравнительной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

Аннотация. В настоящих «Тезисах» анализируются изменения, произошедшие за пять лет, прошедшие после публикации работы «Двенадцать тезисов об ИИ и искусственной социальности». Опираясь на анализ специальной литературы и результаты собственных исследований, авторы определяют концептуальные основания социальной аналитики ИИ, раскрывают логику осмысления развития взаимозависимости человека и инструментов ИИ, а также характеризуют понимание возможности и действительности революционных изменений в системе искусственного мышления и компьютерных технологий. Особое внимание уделяется обсуждению нового концептуального аппарата для анализа проблем, связанных с развитием данных технологий: понятию «иная социальность», взаимозависимости

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THIRTEEN THESES, TWO DILEMMAS (ONE MORAL, ONE POLITICAL), AND FIVE QUESTIONS ON WHAT TO DO

Andrey V. REZAEV^{1,2} — Dr.Sci. (Philos.), Professor, Researcher; Professor of the Department of Philosophy
E-MAIL: rezaev@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3918-835X>

Natalia D. TREGUBOVA^{1,3} — Cand. Sci. (Soc.), Researcher; Associate Professor, Chair of Comparative Sociology
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

¹ Saint Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russia

² Tashkent State Economic University, Tashkent, Uzbekistan

³ Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Abstract. This work is a follow-up to the paper “Twelve Theses on Artificial Intelligence and Artificial Sociality” that we published five years ago. It explains why the previous work holds true and examines the evolution of AI in contemporary capitalist society. The paper provides an overview of recent changes resulting from the widespread integration of AI technologies into society’s daily life and explores developments influenced by the incorporation of AI instruments into everyday human practices. The authors analyze specialized literature dealing with AI and present findings from their own research. They define the conceptual foundations for social analytics in AI and explain the logic underlying the growing interdependence between humans and AI instruments. The discussion addresses both the potential and actual revolutionary changes in artificial thinking

«человек — алгоритм/машина» и человеко-ориентированному ИИ. Авторы делают вывод, что совместимость инструментов ИИ с человеком означает не что иное, как их социальную приемлемость. Это, в свою очередь, ведет к необходимости понять те быстрые и плохо предсказуемые изменения, которые происходят при включении инструментов ИИ в конкретные социальные отношения, культурные и экономические практики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, взаимозависимость «человек — машина», иная социальность, этика ИИ, регуляция ИИ

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00243.

and computer technologies. The paper highlights new conceptual frameworks, including alternate sociality, algorithm or machine interdependence, and human-centered AI. The authors conclude that the compatibility of AI tools with humanity currently depends on their social acceptability, emphasizing the importance of understanding the rapid and unpredictable changes that arise when AI is integrated into specific social, cultural, and economic practices.

Keywords: artificial intelligence, human-machine interdependence, alternate sociality, AI ethics, AI regulation

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 26-18-00243.

Пять лет назад мы сформулировали двенадцать тезисов об искусственном интеллекте (ИИ) и искусственной социальности [Rezaev, 2021]¹. С тех пор все, что связано с феноменами ИИ, претерпело кардинальные изменения. Одно только вхождение больших языковых моделей (Large Language Models) в повседневную жизнь миллионов людей — неожиданное даже для самих разработчиков, — вывело проблему искусственного интеллекта на новый уровень.

В данной работе мы бы хотели, в развитие наших рассуждений, сформулировать *новые* тезисы и вопросы, которые:

— определяют концептуальные и теоретико-методологические основания социальной аналитики ИИ,

— раскрывают логику осмысления развития искусственной социальности и взаимозависимости человека и инструментов ИИ,

¹ Авторы анализируют научную проблематику, связанную с развитием ИИ-технологий, более 12 лет. Мы подготовили два выпуска «СоциоДиггера», тематический номер журнала «Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены», выпустили монографию (два издания) на русском и английском языках «От искусственного интеллекта к искусственной социальности», опубликовали около 30 работ об ИИ в изданиях, индексируемых в базах данных Scopus и WoS. Рискую навлечь на себя (возможно, справедливую) критику, но все-таки принимая во внимание цели и жанр данной работы, мы будем формулировать тезисы в самом общем виде, а в сносках отсылать читателя к литературным источникам, в том числе к нашим работам, опубликованным в самое последнее время, где читатель сможет найти эмпирические подтверждения тезисов. В сносках мы также сделаем в самом общем виде анализ литературы и онлайн-источников. Надо отметить, что мы не ставили перед собой задачи дать подробный анализ литературы. Данная работа качественно проведена и на русском и английском языках: см. Марков С. Охота на электроовец. Большая книга ИИ (в двух томах). М.: ДМК, 2024; [Russell, Norvig, 2016]. Также стоит выделить опубликованный в 2024 г. в журнале «Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены» тематический номер, посвященный проблематике генеративного ИИ, где читатель найдет ссылки на нужную литературу: URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/151> (дата обращения: 29.03.2026).

— характеризуют понимание возможности и действительности новых революционных изменений в системе искусственного мышления и компьютерных технологий.

Мы отталкиваемся от трех базовых представлений.

Во-первых, все, что будет в ближайшем (и не очень) будущем, в том или ином виде уже есть сегодня. При этом следует помнить, что на протяжении всей своей истории люди всегда умудрялись использовать себе во вред технологические прорывы и научные достижения.

Во-вторых, ученые и инженеры пока не пришли к ясному, единому и непротиворечивому пониманию того, что ИИ может дать человечеству. Однако есть ученые², которые понимают и пытаются объяснить, какой ущерб может нанести искусственный интеллект обществу при условии его нерегулируемого использования.

В-третьих, технологии и инструменты искусственного интеллекта появляются в конкретно-исторических условиях развития капитализма, который не является раз и навсегда данной социально-экономической и политико-юридической системой [Есть ли будущее..., 2017]. Отсюда, развитие ИИ и внедрение инструментов ИИ в повседневную жизнь общества обусловлено в равной мере как положительными, так и отрицательными сторонами капитализма. Причем, учитывая исторически специфический, ориентированный на получение прибыли, а не на улучшение человека, характер капиталистической системы хозяйствования, в принципе невозможно определить и развивать в инструментах искусственного интеллекта общечеловеческие параметры.

Тезис 1. Сформулированные нами пять лет назад тезисы в условиях радикальной технологической трансформации продолжают служить основанием для осмысления процессов развития и внедрения разнообразных инструментов ИИ в повседневную жизнь общества

Действительно, настоящий момент характеризуется экспоненциальным ростом вычислительных мощностей, появлением трансформерных архитектур и повсеместным внедрением генеративных моделей ИИ в повседневные практики человека. Тем не менее фундаментальные положения, сформулированные в двенадцати тезисах, демонстрируют устойчивость к изменениям технологической конъюнктуры к реалиям сосуществования человека и алгоритма. В самом общем виде значимость двенадцати тезисов обуславливается следующими характеристиками.

Во-первых, определение ИИ как ансамбля формализованных правил, а не активированной вещи, оказалось методологически продуктивным для анализа современных нейросетевых архитектур. Несмотря на кажущуюся непрозрачность больших языковых моделей, их субстанциальная природа по-прежнему определяется системой кодифицированных правил и алгоритмических процедур, пусть и многократно усложнившихся.

² Здесь следует выделить такие фигуры, как 1) Джеффри Хинтон (Geoffrey Hinton) — нобелевский лауреат, известный как «крестный отец ИИ»; 2) Йошуа Бенджио (Yoshua Bengio) — также один из основателей современных подходов к разработке ИИ, лауреат премии Тьюринга; 3) Илон Маск (Elon Musk) — основатель компании Tesla; 4) Стив Возняк (Steve Wozniak) — сооснователь компании Apple; 5) Стюарт Рассел (Stuart Russell) — один из ведущих мировых исследователей в области ИИ; 6) Тимнит Гебру (Timnit Gebru) — одна из авторов метафоры о том, что ChatGPT не что иное, как «стохастический попугай», эксперт в области этики ИИ.

Во-вторых, тезис о человеко-машинной взаимозависимости нашел свое практическое подтверждение в логике интеграции ИИ-систем в процессы принятия решений, креативного производства и интеллектуального труда. Предсказанный переход от парадигмы замещения к парадигме дополнения и кооперации реализуется в практиках совместной работы человека и алгоритма.

В-третьих, проблематика алгоритмических предубеждений и доверия не только не утратила актуальность, но стала центральной для современных публичных дискуссий о внедрении и регулировании ИИ.

В-четвертых, прогноз о необходимости создания институтов аудита развития технологий ИИ находит воплощение в конкретных шагах по формированию инфраструктуры регулирования ИИ на национальном и наднациональном уровне. *European AI Act* и аналогичные инициативы в других юрисдикциях подтверждают обоснованность исходной постановки проблемы.

В-пятых, положение о том, что технологии ИИ развиваются в системе координат товарно-денежных отношений, присущих капиталистической форме хозяйствования, со всеми вытекающими плюсами и минусами. Современный капитализм лишен цели и прагматично ориентирован на накопление капитала, который будет использован для дальнейшего накопления. При капитализме нет четко сформулированной цели, направленной на повышение общественного благосостояния. У капитализма может быть только одна миссия — самосохранение, сохранение частной собственности, рынка и прибыли³. На данном историческом этапе социально-экономического и политического развития ИИ и искусственная социальность могут лишь дополнять и усиливать эту миссию. Вопрос, что с этим делать, — фундаментальный вопрос и теории, и практики.

Таким образом, устойчивость концептуального каркаса двенадцати тезисов объясняется их ориентацией не на сиюминутные технологические новшества, но на фундаментальные характеристики взаимодействия между формализованными системами и социальной реальностью. Принципиален также и методологический выбор в пользу социальной аналитики (Social Analytics) как интегративной исследовательской перспективы. Именно это направление оказывается продуктивным для анализа феноменов искусственной/иной социальности.

Тезис 2. Человек (Homo Sapiens) и машина — совсем не одно и то же

Напротив, это прямо противоположные сущности, что в ситуации с алгоритмом только усиливается⁴.

Для понимания того, чем является ИИ, необходимо различать объективную и субъективную реальность. Боль, вкусовые характеристики присущи субъекту, их нет вне субъекта. Вне субъекта нет сознания. Горы, леса, реки, океаны, молекулы, электроны существуют вне и независимо от субъекта. ИИ не может существовать вне и независимо от субъекта, он может достигать каких-либо целей и потом формулировать что-то наподобие других целей вне человека, но изначально ИИ — это сконструированные человеком правила. У ИИ нет совести, стыда, ИИ

³ В терминологии двенадцати тезисов: the three «Ps»: Private Property, Profit, and Price [Rezaev, 2021: 28—29].

⁴ Анализ различий между человеком и машиной/компьютером представлен в [Dreyfus, 1992; Wolfe, 1991; Collins, 2018; Резаев, Трегубова, 2022a].

не может *страдать* и в принципе не может чувствовать боль — никакую, в равной степени ни физическую, ни духовную.

Человек имеет две основы, две детерминанты: биологическую и социальную. Он одновременно животное и физиологическое, и социальное. Причем животное уникальное: нет другого такого в прямом и переносном смысле. В прямом — нет одинаковых биологических характеристик для разных людей, равно как и нет одинаковых, приобретенных в обществе, социальных характеристик. Машины, напротив, должны походить друг на друга если не в прямом смысле (как они выглядят), то, по существу, обязательно должны быть одинаковы, в противном случае это будет другая машина. В случае с алгоритмами (или «цифровой машиной», digital intelligence) мы вообще имеем дело с software, то есть с тем, что должно быть мультиплицировано. «Цифровая машина», или «искусственный интеллект», — это совокупность, ансамбль правил, которые позволяют имитировать натуральный интеллект или естественную способность решать задачи с помощью логических процедур.

Причем «цифровая машина», как показывает история развития генеративных трансформеров (ChatGPT), развивается совсем в другом направлении, чем человек. То, что использует «цифровая машина», чтобы моделировать функционально-рациональное поведение, полностью отличается от того, как работает мозг, вне зависимости от того, что усилия разработчиков «цифровой машины» были направлены на то, чтобы «скопировать» работу мозга⁵.

Человек отличается от ИИ тем, что он может действовать «во вред себе», а машина не может. ИИ отличается от человека тем, что он никогда не спит и не отдыхает, он все время «бодрствует», в состоянии «ON». ИИ по своей природе «надбиологическое» нечто. В нем отсутствует деструктивная функция наподобие того, как в человеке на инстинктивном, биологическом уровне закодирована возможность, защищая себя, нанести вред, урон другому биологическому виду. В этом смысле ИИ — инструмент или агент — не несет угрозы человеку (хотя и способен быть запрограммированным на нанесение вреда). Угрозу человеку в принципе несет другой человек, который использует ИИ.

Тезис 3. Сегодня очевидна необходимость парадигмального сдвига в развитии технологий искусственного интеллекта

Она обусловлена двумя обстоятельствами.

Первое — необходимость перехода от больших языковых моделей (LLMs) к большим моделям окружающего мира (LWMS)⁶. Развитие больших языковых моделей — наиболее активно используемых технологий ИИ — приближается к точке насыщения. Суть дела в том, что развитие языковых моделей обусловлено фундаментальными ограничениями их архитектуры и методологии «тренировки». Несмотря на впечатляющие достижения в обработке естественного языка, LLMs

⁵ Так, искусственные нейронные сети сегодня основаны на backpropagation (метод обратного распространения ошибки). Сам этот метод вдохновлен некоторыми аспектами работы человеческого мозга. Однако реализация backpropagation в искусственных нейронах лишь очень отдаленно напоминает то, что происходит с натуральными нейронами.

⁶ См.: Ermut S. Large World Models: Use Cases & Real-Life Examples. 2026. URL: <https://research.aimultiple.com/large-world-models/> (дата обращения: 21.11.2025).

принципиально ограничены текстовой модальностью и статистической вероятностью, что препятствует формированию истинного понимания физического и социального мира. Другими словами, развитие больших языковых моделей ограничено отсутствием опоры на то, что находится в реальном физическом 3D-мире. Именно это является одним из оснований постоянных галлюцинаций и ошибок здравого смысла. Инженеры никогда не смогут «натренировать» генеративные языковые модели до уровня человеческого интеллекта. Никого нельзя натренировать только на одних текстах, нужен реальный окружающий 3D-мир, мир физических объектов. В этом корень парадокса Моравека (Hans Peter Moravec): то, что легко для людей, сложно для искусственного интеллекта (большой языковой модели), и наоборот.

Таким образом, для того чтобы обеспечить трансформацию ИИ из инструмента обработки текста в агента, способного к подлинному взаимодействию с физическим и социальным миром, для дальнейшего прогресса в области искусственного интеллекта необходима стратегическая переориентация исследовательских усилий и ресурсов с совершенствования LLMs на разработку LWMs. Необходимо разрабатывать модели, фиксирующие «пространственный интеллект» (spatial intelligence), модели, которые смогут обеспечить рациональное поведение в окружающем мире.

Второе обстоятельство связано с тем, что новую революцию в ИИ можно ждать от новой техники (Hardware).

Сегодня развитие ИИ — это прежде всего революция в Software, в программах, в развитии цепочек и ансамблей правил, которые позволяют имитировать натуральный интеллект. Пока эта революция объединяется с революцией в биоинженерии⁷.

С одной стороны, реальный прорыв и нововведения кардинально изменят повседневную жизнь, когда (уже в самом скором будущем) произойдет слияние ИИ с робототехникой.

С другой стороны, скоро может появиться то, что специалисты по компьютерным наукам называют квантовым компьютером. Здесь мы будем наблюдать не что иное как революцию в Hardware. И ключевой вопрос состоит в том, как данная революция повлияет на применение ИИ в повседневности.

Тезис 4. Искусственный интеллект (точнее — имитация мышления) обуславливает «искусственно-социальное конструирование» реальности

Artificial Intelligence, равно как его русский перевод «искусственный интеллект», — устоявшиеся термины в профессиональной литературе и повседневной жизни. Несмотря на то что интуитивно семантику этого термина (и в английском, и в русском варианте) можно ухватить, однозначной его трактовки ни в науке, ни в обществе нет и не предвидится⁸. Понимая, что поиски альтернативных ва-

⁷ По крайней мере, об этом часто заявляют: см., например, [Schneider, 2019; Suleyman, 2023].

⁸ См. обсуждение подходов к пониманию AI в [Russell, Norvig, 2016], а также дискуссию об определении термина в *Journal of Artificial General Intelligence* в 2020 г. (Vol. 11. No. 2). Во введении к номеру авторы предупреждают: «Если читатель ожидал консенсуса по поводу определения ИИ, боимся, нам придется его разочаровать» [Monett, Lewis, Thórisson, 2020: 2].

риантов скорее исказят существующий научный смысл использования термина, следует отметить, что в системе координат научного знания более корректно говорить не об «искусственном интеллекте», а об «ином интеллекте», и даже во множественном числе — об «иных интеллектах», или об «имитации мышления».

Дело не только в том, что английский термин «artificial intelligence» изначально многозначный и противоречивый: «artificial» означает не только «искусственный» в смысле «ненатуральный», «не созданный природой», «сделанный кем-то» (руками человека), но также и «вымышленный», «придуманый», «поддельный», близко к тому, что сейчас называют «фейковый». Равно как и «intelligence» не является полным эквивалентом термина «intellect». «Intelligence» может использоваться в значении «сбор информации».

Отсутствие общепринятого понимания и трактовки «искусственного интеллекта», единых подходов к определению ИИ в науке (естественных и социальных науках) свидетельствует о том, что продуктивнее было бы разрабатывать категориальный аппарат в логике «не отождествления» человека и ИИ, а в противоположных направлениях. Излишняя антропоморфизация и надделение алгоритмов характеристиками человека только усиливают двойственность и не помогают делу. Когда исследователи пытаются разобраться в сути того, что скрывается за иным (искусственным/цифровым) интеллектом/мышлением, они имеют дело не с «заменителем» человека, а с выработанной человеком системой правил, позволяющих имитировать целерациональные функциональные действия, свойственные людям, имитировать мыслительный процесс человека.

И здесь возникает весьма любопытный феномен — «искусственно-социальное конструирование» реальности⁹. ИИ придумывает факты, конструирует некую реальность, которая существует только в его «системе координат». Суть этого «искусственно-интеллектуального конструирования реальности» состоит в том, что реальный субъект (человек) спрашивает алгоритм о реальных людях или происшедших событиях. Алгоритм убедительно, в логике (стилистике/грамматике) задающего вопрос производит «небылицы» (галлюцинации) — то, что в реальности не существовало, но может быть сгенерировано и уже становится достоянием «искусственно-интеллектуального существования».

Откуда и почему у ИИ возникают галлюцинации? Нам представляется, что наиболее очевидное объяснение состоит в том, что изначально алгоритмы запрограммированы и ориентированы на «обучение» для создания убедительных и логически и стилистически непротиворечивых текстов (знаков/символов), а не на то, чтобы отличить факт/реальность от вымысла/фантазии.

Природа современных, основанных на искусственных нейросетях инструментов ИИ, по сути, вероятностная. Модели предсказывают следующее наиболее вероятное слово или шаблон, оставаясь за рамками человеческого понимания. Генеративные модели делают предположения, а не утверждения, они имитируют генерацию языка, похожего на человеческий, на основе статистических закономерностей в данных, но без реального понимания существа дела или фактической рациональной проверки.

⁹ См. также «Социодиггер» Т. 4. Вып. 5—6 (26) «Человек и/или ChatGPT». URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/chelovek-i-ili-chatgpt> (дата обращения: 29.03.2026).

Тезис 5. Для понимания ИИ нужна адисциплинарная социальная аналитика (Social Analytics)¹⁰

Проблемы, возникающие в цепочках взаимодействий между людьми и алгоритмами ИИ — на производстве, дома, в городском пространстве, в онлайн-среде, — требуют особого внимания со стороны социальных аналитиков.

Социальная аналитика — это умение правильно обозначить исследовательскую проблему о жизни людей в постоянно изменяющемся и долгое время находящемся в состоянии неопределенности обществе и затем предложить способы ее решения адекватными для данного этапа развития методами. Социальная аналитика в эпоху ИИ характеризуется адисциплинарностью. ИИ изначально создавался как проект, выходящий за рамки существующих научных областей. Сегодня над созданием ИИ трудится множество узких специалистов, однако координация их деятельности требует адисциплинарной перспективы. Тем более ее требует анализ взаимодействий и взаимозависимостей между людьми и алгоритмами ИИ.

ИИ-опосредованная коммуникация конституирует новые формы интерсубъективности и трансформирует структуру социального взаимодействия, определяя необходимость создания новых теоретико-методологических оснований анализа взаимодействия людей друг с другом. В отличие от традиционных форм опосредованной коммуникации, где технология выступала пассивным каналом передачи смысла между человеческими акторами, ИИ-системы становятся активными участниками коммуникативного процесса, способными интерпретировать контекст, генерировать смысл, адаптировать и варьировать стратегии взаимодействия.

Данный феномен требует пересмотра классических концепций взаимодействия, разработанных Дж. Г. Мидом, И. Гофманом и представителями символического интеракционизма. Возникает вопрос: может ли ИИ-агент конституировать «обобщенного другого» в структуре формирования социального Я, или же его участие в интеракции остается симуляцией без субъектной позиции?

Исследования демонстрируют, что пользователи склонны приписывать ИИ-системам интенциональность, эмоциональность и субъектность, даже осознавая их «искусственную» природу¹¹. Это указывает на формирование новых социальных ожиданий в отношении человеко-машинного взаимодействия. Более того, ИИ-опосредованная коммуникация создает специфические образцы самопрезентации и управления впечатлением, отличные от традиционных форм социального взаимодействия.

Для осмысления данных явлений и необходима новая социальная аналитика.

¹⁰ Более подробно см. [Резаев, Трегубова, 20226].

¹¹ Данная тенденция была зафиксирована Дж. Вейценбаумом еще полвека назад [Weizenbaum, 1976]. Обсуждение некоторых современных примеров см. в [Трегубова, Фейгина, 2024; Ушкин, 2025], а также здесь: Fang C. M., Liu A. R., Danry V. et al. How AI and Human Behaviors Shape Psychosocial Effects of Chatbot Use: A Longitudinal Controlled Study. 2025. URL: <https://www.media.mit.edu/publications/how-ai-and-human-behaviors-shape-psychosocial-effects-of-chatbot-use-a-longitudinal-controlled-study/> (дата обращения: 29.03.2026).

Тезис 6. ИИ-модели становятся институциональными акторами, участвующими в производстве социального порядка и нормативной регуляции повседневной жизни¹²

В наши дни разделение мира на цифровые «государства» типа Android и iOS иллюстрирует формирование новых форм принадлежности, основанных не на географии, а на выборе технологических экосистем и сервисных моделей. Эта трансформация отражает более глубокий процесс деконструкции веберовской модели государства с его монополией на территорию и легитимное насилие. Государство становится провайдером услуг, который конкурирует с частными корпорациями в предоставлении образования, здравоохранения, страхования и других социальных сервисов. Граждане превращаются в потребителей государственных услуг, выбирающих юрисдикции на основании качества предоставляемых сервисов, а не национальной идентичности или исторической привязанности к территории.

Назначение первого ИИ-министра в Албании¹³ и введение цифрового члена Совета директоров с правом голоса в казахстанском фонде «Самрук-Казына»¹⁴ — примеры развития качественно нового этапа институционализации искусственного интеллекта в структурах управления. Эти прецеденты свидетельствуют о симбиозе человеческих и алгоритмических форм принятия решений в публичной сфере.

Концентрация разработки передовых систем ИИ среди ограниченного числа технологических корпораций и государственных акторов создает проблему асимметрии власти. Способность генеративных систем производить убедительный, но не достоверный, синтетический контент в массовом масштабе угрожает целостности и достоверности публичного дискурса, размывает возможность подотчетности властных структур.

Реальные практики современной общественной жизни начали включать предиктивную аналитику в полицейской деятельности, основываться на ИИ-моделях при оценке рисков рецидивизма в судебной системе и на автоматизированных системах принятия решений в социальном обеспечении. Все это не что иное как направленная трансформация механизмов социального контроля и распределения ресурсов.

Данная трансформация определяет необходимость поиска ответов на фундаментальные вопросы о том, что такое «легитимность», «подотчетность», «справедливость» в условиях алгоритмического управления. Если традиционная институциональная теория рассматривала нормативную регуляцию как продукт социальных конвенций и политического процесса, то теперь возникает ситуация, когда нормативный порядок частично кодифицируется инструментами ИИ, которые зачастую функционируют не иначе как «черные ящики» без возможности внешней верификации и контроля со стороны человека.

Социальная аналитика призвана исследовать, каким образом ИИ-модели участвуют в процессах институционализации, какие формы власти они создают, и ка-

¹² Детальное обсуждение отдельных проблем и тенденций см. в [О'Нил, 2018; Зубофф, 2022; Fourcade, Healy, 2024; Anicker, Flaßhoff, Marcinkowski, 2024].

¹³ В Албании назначили первого в мире «неподкупного ИИ-министра» // РБК. 2025. 11 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/09/2025/68c30edf9a7947eb7aea850b> (дата обращения: 29.03.2026).

¹⁴ Платоненко Т. «Самрук-Казына» первым в регионе ввел цифрового члена Совета директоров на базе ИИ // New Times. 2025. 2 октября. URL: <https://newtimes.kz/obshchestvo/210855-samruk-kazyna-pervym-v-regione-vvel-tsifrovogo-chlena-soveta-direktorov-na-baze-ii> (дата обращения: 29.03.2026).

ковы возможности влияния на процессы управления с помощью алгоритмов. Это должно осуществляться с помощью других алгоритмов. Необходима разработка механизмов обеспечения прозрачности, объяснимости и подотчетности ИИ-моделей, которые участвуют в обеспечении социального порядка.

Тезис 7. Будущее человечества определяется не тем, будет ли создан «общий»/«сильный» искусственный интеллект, а возникновением и развитием «искусственной», а затем и «иной» социальности¹⁵

Не принципиально, будет ли создан «всеобщий» ИИ (Artificial General Intelligence, AGI). Главный результат «работы» ИИ — появление новой реальности — «искусственной социальности». Новой в том смысле, что ее не существовало в принципе.

Под «искусственной социальностью» мы понимаем систему взаимодействий с участием человека и искусственного интеллекта, в которых ИИ может выступать как посредником во взаимодействии между людьми, так и самостоятельным участником/агентом [Резаев, Трегубова, 2023]. Искусственную социальность можно еще определить как переход от социального общения к социальным сетям и от социальных сетей — к нейросетям.

В реальности искусственной социальности появляется три возможных метода решения возникающих проблем: первый, естественный — проблемы решает человек; второй — проблемы решает машина (это становится таким же естественным); третий — решение проблемы зависит от взаимодействия человека и машины на равных правах, это то, чего еще не было. ИИ переводит машину из средства, инструмента, который использовал человек при решении проблем, в состояние «партнерства», «содружества» для решения проблем, в первую очередь когнитивных.

Развиваясь, «искусственная социальность» переходит в нечто другое — в «иную социальность». «Иная социальность» — это отношения, возникающие между людьми в процессе совместной деятельности не только с другими людьми, но и с агентами ИИ [Резаев, Трегубова, 2025б]. Эти агенты осуществляют активность, которая может как поддерживать, так и разрушать социальные отношения. Два ключевых условия возникновения «иной социальности» — это появление небиологических агентов и онлайн-трансформация социальных отношений.

Используя понятия «искусственная социальность» и «иная социальность», мы отмечаем их взаимообусловленность, но они встроены в систему различных категориальных рядов. «Искусственная социальность» — это реальность, когда в цепочке социальных взаимодействий появляются новые *несоциальные* и *небиологические* акторы. Иная социальность определяется ситуацией, когда агенты ИИ (несоциальные и небиологические акторы, созданные людьми) вступают между собой во взаимодействия без людей, при этом социальность самих людей в некотором смысле меняется.

С одной стороны, на новом витке развития инструментов ИИ (прежде всего генеративных ИИ) становится очевидным, что инструменты ИИ — это небиологические агенты, которые взаимодействуют с людьми на основе способности воспроизводить целерациональные действия [Russell, 2019; Kissinger, Schmidt, Huttenlocher, 2021]. Небиологические агенты не обладают сознанием, эмоциональностью, не подвер-

¹⁵ Подробнее об «иной социальности» см. дискуссию в [Резаев, Трегубова, 2025б].

жены биологическим ритмам рождения, смерти, сна. Вместе с тем эти машины по переработке информации способны к деятельности, которую применительно к человеку мы бы назвали интеллектуальной.

С другой стороны, сегодня наша деятельность все в большей степени происходит в онлайн-среде, которая сама уже не может функционировать без контроля и регуляции со стороны ИИ. Распространение онлайн-взаимодействий существенным образом трансформирует человеческую социальность [Haidt, 2024], причем в таком направлении, где алгоритмам ИИ все легче становится заменить человека в рамках информационных онлайн-обменов.

Как следствие, вместо AGI мы имеем дело с алгоритмической средой, которая может делать все или почти все что угодно — хотя отдельный алгоритм остается узконаправленным и «слабым».

Тезис 8. Динамика «иной социальности» определяется характером взаимозависимости человека и алгоритма

Инструменты ИИ порождают новые элементы для организации своего существования в повседневной жизни. Такие элементы появляются в рамках формирования взаимозависимости «человек — машина/алгоритм» (human-machine interdependence) [Резаев, Трегубова, 2023]. Возникает не просто взаимодействие или обмен информацией, а именно *взаимозависимость*. Полный цикл этой взаимозависимости проходит три этапа. Сначала человек создает машины и автоматы, затем передает контроль над автоматами алгоритмам. На завершающем этапе возникает положение, когда человек не может организовывать и проживать свою жизнь без алгоритма, оказывается зависимым от него.

На последнем этапе взаимозависимость становится самостоятельным фактором, который влияет на повседневную жизнь, динамику рынков, законодательные инициативы и механизмы правоприменения государств и надгосударственных образований, в том числе направленные на развитие и внедрение ИИ.

Следующий этап развития — взаимозависимость «алгоритм/машина — алгоритм/машина», когда человек будет все менее необходим в цепочках коммуникаций и взаимодействий между алгоритмами ИИ. В первую очередь это касается денег или средств обмена чего-либо, скажем информации, а также средств передвижения. Все чаще на место человека будет приходить алгоритм — точнее, совокупность более или менее специализированных алгоритмов, которые будут способны выполнять все новые функции. В пределе это приводит к ситуации, когда человек в обществе выпадает из цепочек взаимодействий.

Тезис 9. Наиболее перспективным в логике сегодняшней науки должен быть новый подход — Human-Centered AI¹⁶

Подход, который получил в научной литературе название «человеко-ориентированный ИИ» (Human-Centered AI), предполагает понимание очень простого факта: люди и машины — не одно и то же. Нет необходимости ориентироваться на то, чтобы сделать абсолютно подобный человеку инструмент искусственного интеллекта.

¹⁶ Подробнее см. [Rezaev, Tregubova, 2025].

Напротив, скорее всего, успех будет в противоположном направлении, когда человек останется человеком со своим интеллектом, сознанием, подсознанием и эмоционально-духовным миром, а машины и алгоритмы будут разрабатываться человеком и в «самообучении» следовать своей, отличной от человека логике развития.

Рассмотрим данное положение на примере проблем образования. Интеграция ИИ-моделей в образовательные процессы создает возможности для персонализации обучения, автоматизации оценивания и расширения доступа к образовательным ресурсам. Формирование «алгоритмической грамотности» становится необходимым компонентом современного образования.

Вместе с тем новая реальность требует решения фундаментальных вопросов о конечных целях образования, природе знания и формировании компетенций в условиях, когда многие интеллектуальные задачи могут быть делегированы алгоритмам и машинам. Если традиционная образовательная парадигма ориентировалась на передачу знаний и формирование навыков, релевантных для индустриального общества, то иная/искусственная социальность определяет необходимость развития каких-то других компетенций, в первую очередь способности критически оценивать сгенерированную ИИ-моделями информацию, распознавать ограничения технологий и «галлюцинации» генеративных инструментов.

Более того, распространение генеративных ИИ проблематизирует традиционные формы академической оценки, основанные на индивидуальном авторстве текстов. Необходима разработка новых педагогических практик и критериев оценивания, адекватных условиям, когда граница между человеческим и машинным интеллектуальным производством становится размытой.

Тезис 10. В эпоху капитализма в первую очередь следует определить табуированные зоны для внедрения ИИ в повседневную жизнь общества¹⁷

Экспоненциальное развитие и повсеместное внедрение технологий ИИ в повседневную жизнь человека не должно основываться только на законах рынка и мировоззрении разработчиков и производителей. Обществу необходимо задать систему координат, обуславливающих принципы регуляции ИИ, маркировку табуированных зон применения ИИ, выделения параметров, позволяющих определять перспективы и направления развития комплекса технологических характеристик ИИ.

Насущная проблема состоит в том, чтобы определить те области, зоны, в которых люди не должны соприкасаться с искусственным интеллектом. Их выделение должно исходить из осмысления экзистенциальных аспектов, в отношении которых различие между людьми и машинами наиболее очевидно. Так, алгоритмы ИИ, в отличие от людей, не рождаются, не умирают, не радуются и не страдают — и именно здесь необходимо искать основания для безусловного запрета использования ИИ.

Тезис 11. Социальные ученые должны быть (про)активными в аналитике ИИ

Широкое и стремительное внедрение ИИ в повседневную социальную жизнь создает эпистемологический вызов социологии, требуя разработки новых теорий, методологических конструкций и исследовательских инструментов.

¹⁷ См. обсуждение в [Резаев, Трегубова, 2025a].

Традиционные методологии социальных наук разрабатывались для изучения человеческих обществ в условиях, когда границы между социальным и техническим были относительно четкими. Сосуществование ИИ-моделей с человеком проблематизирует базовые методологические предпосылки. Как изучать социальные феномены, когда агентность распределена между человеческими и нечеловеческими акторами? Как применять качественные методы, основанные на интерпретации смысла, к алгоритмическим процессам? Как обеспечить репрезентативность выборок в условиях алгоритмической персонализации?

Более того, ИИ-модели сами становятся инструментами организации и проведения социальных исследований. То есть объект исследования (ИИ) одновременно выступает средством познания социальной реальности.

Проблема социальных ученых в том, что они реагируют на развитие ИИ *постфактум*, а не определяют направления развития ИИ и не задают эти направления в рамках понятной и рационально объясняемой взаимозависимости «человек — алгоритм». Социальным ученым следует уделять больше внимания тому, как минимизировать риски и предотвратить ущерб от вхождения ИИ в повседневную жизнь людей и как обеспечить «грамотность» или, точнее, преодолеть «безграмотность» относительно ИИ.

Грамотность в области ИИ должна трансформироваться в системах образования из желательного навыка в необходимые знания и умения, сопоставимые по значимости с базовой грамотностью. Это включает способность критически оценивать возможности и ограничения ИИ инструментов и агентов, распознавать алгоритмически генерированный контент и понимать, в каких ситуациях человеческое суждение, человеческая рациональность остаются *незаменимыми*.

Тезис 12. Совместимость технологий ИИ с человеком означает не что иное, как их социальную приемлемость¹⁸

Человечество реализовало на практике сформулированные в классической философии положения о возможности создания иной, отличной от человека рациональности и интеллектуальной структуры¹⁹. Сейчас дело заключается в том, чтобы объяснить, что с этим делать, и главное, что делать с тем, что развитие тех-

¹⁸ Подробнее см. в [Russell, 2019; Резаев, Трегубова, 2025в].

¹⁹ Фундаментальные вопросы об иной рациональности не меняются со времен Античности: можно ли воспроизвести живое и мыслящее механическими средствами? Что отличает естественный интеллект от искусственного подражания? Каковы этические и социальные последствия создания автономных систем? Гомер в «Илиаде» (VIII век до н. э.) описывает механических слуг бога Гефеста — золотых служанок, которые «имели разум» и могли самостоятельно решать поставленные перед ними задачи. Это одно из первых литературных упоминаний искусственных существ с признаками интеллекта. Миф о Талосе, о бронзовом автомате, который охранял о. Крит, представляет собой концепцию автономной искусственной системы с целенаправленным поведением. Герон Александрийский (I век н. э.) как инженер-механик говорит в трактатах «Автоматопозтика» и «Пневматика» о сложных автоматах и механических устройствах, способных имитировать человеческое поведение. Платон в диалоге «Кратил» обсуждает возможность создания искусственного человека, если кто-то сможет воспроизвести его сущность и форму. Аристотель в «Политике» (Книга I, 1253b) рассуждает о гипотетических самодвижущихся инструментах, он пишет: «Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его превосходящая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они сами собой (αὐτομάτους) входили в собрание богов; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы» (Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 381). В Новое время следует выделить идеи Декарта о *res cogitans* (мыслящей субстанции) и *res extensa* (протяженной субстанции), идеи Лейбница о *calculus ratiocinator* — формальном языке, способном выразить все человеческие мысли. В XIX—XX веках Макс Вебер различал типы рациональности, а Юрген Хабермас разработал концепцию коммуникативной рациональности.

нологий ИИ порождает, с одной стороны, все большую взаимозависимость, с другой стороны — определяет наличие иной/искусственной социальности, с которой тоже надо разобраться на основе человеческой рациональности.

Предельно обобщая, можно утверждать, что сегодня для науки изучать ИИ не значит изучать, как работает человеческий мозг. В первую очередь следует изучать взаимозависимость человека и ИИ в разных культурах, биологических и социальных средах. Термин Стюарта Рассела *human compatible AI* — совместимый с человеком ИИ — на практике означает *социально приемлемый* (но не работающий в той же системе координат, что и человеческий мозг) искусственный интеллект.

Дело не в том, является ИИ «хорошим» или «плохим». Суть дела в том, кто/что контролирует дизайн и производство ИИ, регулирует и получает прибыль от его внедрения в жизнь общества.

Общепринятую максиму «кто владеет искусственным интеллектом, тот будет управлять миром» следует дополнить: «кто создает „правила игры“ (институты) использования искусственного интеллекта и может обеспечить их исполнение, тот будет управлять миром».

Прежде чем сформулировать последний, 13-й тезис работы, выделим две дилеммы, стоящие перед человечеством в эпоху ИИ.

Дилемма 1: мораль для машин или этика для человека?

Сегодня дискуссии об этической стороне развития инструментов ИИ организуются вокруг поиска равновесия между тем, какие моральные нормы мы хотим вложить в машины, и какие правила мы можем в них запрограммировать. Эти споры, однако, затемняют дилемму, перед которой стоит человечество: должны ли мы создавать моральные машины или нам следует думать о новой этике для человека в условиях взаимозависимости «человек — алгоритм»?

В первом случае предполагается, что машина в принципе может быть моральной, и уже затем следуют вопросы «в каком смысле?» и «как это реализовать технически?»

Во втором случае исходят из того, что ИИ моральным быть не может. Машина может действовать как будто бы морально или аморально, но в действительности она лишь выполняет предзаданные вычисления. В таком случае, разумеется, бремя моральной ответственности остается на отдельном человеке и на обществе.

Дилемма 2: контролировать или регулировать?

Стремительное распространение ИИ ставит вопросы о том, какие конкретные политико-правовые меры нужно предпринять. Может быть, создание ИИ действительно стоит «поставить на паузу», как просила компьютерная общественность в связи с появлением ChatGPT?²⁰

Представляется, что политики в принципе хотят и будут хотеть контролировать развитие и распространение новых технологий. Причем контроль происходит по некоторым фиксированным параметрам: какой вклад в ВВП страны прино-

²⁰ См. обсуждение в: «Социодиггер» Т. 4. Вып. 5—6 (26) «Человек и/или ChatGPT». URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/chelovek-i-ili-chatgpt> (дата обращения: 29.03.2026).

сит, сколько рабочих мест создает, сколько уничтожает, сколько людей обращается в суд и т. д. Исходя из этого и принимаются решения: запретить, ограничить, разрешить и стимулировать.

Вместе с тем суть дела заключается еще и в том, чтобы регулировать, то есть направлять и гармонизировать процесс вхождения инструментов ИИ в жизнь общества в режиме реального времени, решая проблемы, которые возникают здесь и сейчас, которые нельзя предвидеть заранее. Здесь и возникает проблема социального аудита технологий ИИ и того, как (в каких формах) он может быть реализован. В любом случае социальный аудит и проблема регуляции применения ИИ в повседневности будет замыкаться на создании новых институтов.

Тезис 13. Философы различных школ либо объясняли мир, либо изменяли его. Дело состоит в том, что мир продолжает и будет продолжать изменяться, но теперь мы не способны его понять без инструментов ИИ

Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе утверждал превосходство революционной практики над созерцательной теорией. История последующих полутора столетий продемонстрировала, что человечество восприняло этот призыв с чрезвычайным энтузиазмом. Результатом непрерывных технологических, экономических, социальных, культурных преобразований стал мир, ускользающий от понимания даже тех, кто его создавал.

Искусственный интеллект представляет собой кульминацию и апофеоз этой преобразовательной одержимости. Люди создали системы, логика функционирования которых непрозрачна даже для их разработчиков. Алгоритмы порождают непредсказуемые эффекты, сложность которых превосходит познавательные способности человеческого разума. Триумф инструментального действия обернулся поражением рефлексивного мышления.

Парадокс современности состоит в том, что чем интенсивнее преобразуется реальность, тем менее постижимой для людей она становится. Мир, являющийся продуктом человеческой деятельности, предстает как чуждая, непостижимая сила, причем не по причине мистификации, но вследствие избыточных и непрерывных процессов трансформаций. Мы обитаем в среде, которую сами же сконструировали, но которая функционирует по логике, ускользающей от нашего понимания. Реальностью стала новая форма отчуждения, порожденная не эксплуатацией труда, но гиперпроизводством технологий, машин и алгоритмов.

Мы создали технологии, которые «понимают» мир лучше нас в смысле предсказательной точности, но это «понимание» закодировано в цифровых пространствах, которые мы не способны воспринимать.

Более того, скорость преобразований исключает возможность рефлексивного отношения к ним. Мир изменяется быстрее, чем формируется его понимание. Практика окончательно освободилась от теории, но эта свобода (эмансипация) оборачивается слепотой действия.

Задача для социальной аналитики на современном этапе состоит не в дальнейшем изменении мира, а в восстановлении способности его понять и объяснить. Ирония нынешнего этапа истории человечества состоит в том, что для изменения мира в соответствии с настоящими, не искусственными, человеческими целями

сначала необходимо *понять*, что же именно мы *наизменяли*, и *осознать*, как нам сосуществовать с машинами в логике иной социальности.

Что же нам следует делать?

Что делать философам?

Во-первых, понять, как работает и воспроизводится существующая схема вхождения инструментов ИИ в жизнь общества. Во-вторых, предложить возможные другие варианты сосуществования людей и ИИ. В-третьих, видеть риски для разработчиков, потребителей и тех, кто устанавливает правила, которые возникнут в новой ситуации. Суть дела не в том, чтобы философы создали новые технологии, но в том, чтобы понять риски для общества на новом этапе.

Что делать социальным аналитикам?

Разработать и предложить варианты новых правил для «сотрудничества» («совместной деятельности») нынешних акторов, субъектов действий с ИИ: а) разработчиков, б) потребителей, в) тех, кто устанавливает правила (разрабатывает институты) для функционирования капиталистического общества.

Что делать компьютерщикам?

Продолжать создавать машины. Инженер создает машину, продукт (в этом его задача), а социальный ученый (его задача) покажет, как надо вступать с машиной (ИИ) в диалог, в коммуникацию, как взаимодействовать, как развивать отношения между машиной и человеком.

Что делать представителям государства?

Организовывать социальный аудит, вводить правовую регуляцию, определять табу-зоны, ориентируясь на человеко-ориентированный подход — в той его трактовке, которая не противоречит социальному порядку и культурным особенностям жителей государства.

Что делать обывателям (всем нам)?

Не бояться, но и не идеализировать искусственный интеллект. Определиться, какие проблемы в нашей жизни можно решать с помощью инструментов ИИ, а какие только усугубятся за счет использования новых технологий. Помнить, что ИИ — это инструмент, а не живое существо, *нечто*, а не *некто*. Понимать, что принципиальные риски, как всегда, в использовании новых технологий, будут исходить не от ИИ, а от человеческой глупости и человеческих страстей.

Список литературы (References)

1. Есть ли будущее у капитализма? / под ред. И. Валлерстайна. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
Wallerstein I. (ed.) (2017) Does Capitalism Have a Future? Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russ.)

2. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Издательство Института Гайдара, 2022.
Zuboff Sh. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russ.)
3. О'Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М. : АСТ, 2018.
O'Neil C. (2018) *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. Moscow: AST. (In Russ.)
4. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Эмоциональный утилитаризм» и пределы развития искусственного интеллекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022а. № 2. С. 4—23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2127>.
Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2022a) “Emotional Utilitarianism” and the Frontiers of Artificial Intelligence Evolvement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2127>. (In Russ.)
5. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Еще раз о социологии и социальной аналитике в эпоху развития искусственного интеллекта // Социологическое обозрение. 2022б. Т. 21. № 3. С. 9—30.
Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2022b) Once again about Sociology and Social Analytics in the Age of Artificial Intelligence Advancement. *Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 3. P. 9—30. (In Russ.)
6. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Взаимозависимость «человек-машина» за пределами искусственного интеллекта: случай биткойна // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 263—286.
Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2023) Human-Machine Interdependence beyond AI Development: The Case of Bitcoin. *Russian Sociological Review*. Vol. 22. No. 3. P. 263—286. (In Russ.)
7. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Запретить нельзя регулировать: к вопросу о проблемах регуляции использования ИИ в повседневной жизни общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025а. № 3. С. 294—311. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2661>.
Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2025a) Prohibit Cannot Regulate: On the Question of Adjusting the Use of AI in Everyday Life of Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 294—311. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2661>. (In Russ.)
8. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Иная социальность: опыт теоретической рефлексии // Социологические исследования. 2025б. № 11. С. 13—24.
Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2025b) Alternate Sociality: Theoretical Reflections. *Sotsiologicheskie Issledovania*. No. 11. P. 13—24. (In Russ.)
9. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Quo Vadis? Стратегические ориентиры в развитии искусственного интеллекта и необходимость новой социальной аналитики // Вест-

- ник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025в. № 85. С. 112—122. <https://www.doi.org/10.17223/1998863X/85/10>.
Rezaev A. V. Tregubova N. D. (2025) Quo Vadis? Guidelines for the Artificial Intelligence Advancement and the Necessity of a New Social Analytics. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 85. P. 112—122. <https://www.doi.org/10.17223/1998863X/85/10>. (In Russ.)
10. Трегубова Н. Д., Фейгина А. Я. «Вежливое» взаимодействие с умными колонками в повседневной жизни: универсальные нормы и новые формы социальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 5. С. 142—165. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2593>.
Tregubova N. D., Feigina A. Y. (2024) “Polite” Interactions with Smart Speakers in Everyday Life: New Norms and Forms of Sociality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 142—165. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2593>. (In Russ.)
 11. Ушкин С. Г. Чужаки и нонантропные границы: как конструируется «искусственный Другой»? // Философия науки и техники. 2025. Т. 30. № 1. С. 48—57. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2025-30-1-48-57>.
Ushkin S. G. (2025) Outsiders and Non-Anthropic Boundaries: How Is the ‘Artificial Other’ Constructed? *Philosophy of Science and Technology*. Vol. 30. No. 1. P. 48—57. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2025-30-1-48-57>. (In Russ.)
 12. Anicker F., Flaßhoff G., Marcinkowski F. (2024) The Matrix of AI Agency: On the Demarcation Problem in Social Theory. *Sociological Theory*. Vol. 42. No. 4. P. 307—328. <https://doi.org/10.1177/07352751241289925>.
 13. Collins H. (2018) *Artificial Intelligence: Against Humanity’s Surrender to Computers*. Cambridge: Polity Press.
 14. Dreyfus H. (1992) *What Computers Still Can’t Do: A Critique of Artificial Reason*. Cambridge, MA: MIT Press.
 15. Fourcade M., Healy K. (2024) *The Ordinal Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
 16. Haidt J. (2024) *The Anxious Generation: How the Great Rewiring of Childhood Is Causing an Epidemic of Mental Illness*. New York, NY: Penguin Press.
 17. Kissinger H., Schmidt E., Huttenlocher D. (2021) *The Age of AI: And Our Human Future*. Boston, MA: Little, Brown and Company.
 18. Monett D., Lewis C. W. P., Thórisson K. R. (2020) Introduction to the JAGI Special Issue “On Defining Artificial Intelligence” — Commentaries and Author’s Response. *Journal of Artificial General Intelligence*. Vol. 11. No. 2. P. 1—4. <https://doi.org/10.2478/jagi-2020-0003>.
 19. Rezaev A. V. (2021) Twelve Theses on Artificial Intelligence and Artificial Sociality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 20—30. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1894>.

20. Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2025) Looking at Human-Centered Artificial Intelligence as a Problem and Prospect for Sociology: An Analytic Review. *Current Sociology*. Vol. 73. No. 1. P. 120—138. <https://doi.org/10.1177/00113921231211580>.
21. Russell S. (2019) *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York, NY: Viking.
22. Russell S., Norvig P. (2016) *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Harlow: Pearson Education Limited.
23. Schneider S. (2019) *Artificial You: AI and the Future of Your Mind*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
24. Suleyman M. (2023) *The Coming Wave: Technology, Power, and the Twenty-First Century's Greatest Dilemma*. New York, NY: Crown.
25. Weizenbaum J. (1976) *Computer Power and Human Reason: From Judgment to Calculation*. San Francisco, CA: W. H. Freeman and Company.
26. Wolfe A. (1991) Mind, Self, Society, and Computer: Artificial Intelligence and the Sociology of Mind. *American Journal of Sociology*. Vol. 96. No. 5. P. 1073—1096.